

УДК 94 (470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2025-40-1-25–33

Т. Ч. Джабаева

Исторический опыт влияния пережитков семейного и общественного быта у народов Северного Кавказа

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; tahmina.dj@mail.ru*

Аннотация. Исторически сложилось так, что народы Северного Кавказа всегда чтили свои традиции и обычаи. Практика их соблюдения со всей строгостью передавалась из поколения в поколение. Источники возникновения обычаев уходят вглубь веков, а на их суть и характер влиял общественный уклад и уровень социально-экономического развития.

В статье рассматриваются результаты исследования наиболее архаичных обычаев народов Северного Кавказа, к которым относится обычай «избегание». Делается попытка объяснить причины живучести обычая в общественном сознании и столь строгое соблюдение его даже после трансформации сопутствующих социально-экономических факторов.

Причины соблюдения «неудобных» обычаев автор видит в способе выражения уважительности и глубокого уважения к старшему поколению родственников и не только. Однако при сопоставлении положительного и негативного опыта от его соблюдения автор обращает внимание на последнее (особенно на обычай избегания между родителями и детьми).

Данный обычай, несомненно, имел право на существование в более гибкой форме, в зависимости от ситуации, окружения, условий и т. д., однако при исследовании мы этого не обнаружили. Приверженность к традициям северокавказского народа еще раз подтверждается живучестью обычая избегания вплоть до конца XX в.

Ключевые слова: обычаи, старшее поколение, невеста, жених, мать, отец, дети, свадьба, дом, проживание, избегание.

Вводная часть

Духовно-нравственное значение обрядов, обычаев и традиций своего народа невозможно переоценить. Для поддержания социальной стабильности в обществе традиции следует уважать и сохранять. Многие из них неизбежно изменяются под влиянием глобализации, ослабевают их суть, назначение и степень соблюдения. Традиции, включающие в себя определенные ритуалы или обряды, как правило, направлены на упорядочение внутреннего духовного баланса путем его осмысления [1].

Исследование некоторых традиций, бытовавших на Северном Кавказе в XIX веке, имеет не только научное, но и непосредственно практическое значение. Некоторые обычаи сохранились до наших дней и являются собой негативные пережитки старокавказского семейного и общественного быта. Для понимания причин их стойкости необходимо дать всесторонний анализ данных обычаев, осмыслить их суть и смысл, сделать выводы.

Основная часть

Объект нашего исследования – совокупный и распространенный на Северном Кавказе обычай (ритуал) избегания, который подразумевал ряд ограничений между разными категориями родственников и близких людей. Существовало несколько видов избегания: между супругами, между родителями и детьми, между женой и родственниками мужа, между мужем и родственниками жены.

В свою очередь они предварялись отдельным комплексом не имеющих смысла процедур и ритуалов жениха и невесты между собой и с их родственниками – досвадебным скрыванием. Вопрос о происхождении обычая неясен, уходит вглубь веков и характеризуется как «древний обычай».

По сравнению с другими народами Северного Кавказа строже всего данный обычай соблюдался у адыгов. К примеру, в процессе свадьбы жених и невеста не принимали никакого участия, считалось неприличным их появление в этот день перед людьми. Свадьба была лишь формальностью, которая переводила жениха и невесту в новый статус – мужа и жены [2, с. 613]. Обычай, предполагающий отсутствие главных лиц на свадьбе, возможно, объясняется скромностью невесты, волнением жениха перед новой жизнью, ответственностью перед семьей и т. д. – имело смысл это скрыть от многочисленных глаз.

Однако следующие за свадьбой обряды являли собой череду не взаимосвязанных и не содержащих в себе ни практического, ни духовно-нравственного, ни культурного смысла.

Молодую жену привозили в дом родственников мужа, где она должна была провести несколько месяцев изолированно. Муж, который также селился у кого-нибудь из своей родни, не взаимодействовал с родственниками и мог только тайно посещать свою жену. После недельного пребывания невесты в промежуточном доме отмечалась «малая свадьба», через месяц жених мог войти в дом родителей. Церемония ввода обоих новобрачных в дом родителей жениха происходила только через год, тогда и праздновалась «большая свадьба» [3, с. 94].

Аналогичная длительная церемония ввода новобрачных наблюдалась и у кабардинцев, балкарцев и карачаевцев. У них также жених тайно находился у кого-то из своих родственников в селе невесты, а также вынужден был скрываться и в своем селе – как во время свадьбы, так и в последующие несколько месяцев, проживая у кого-нибудь из своей родни или у знакомого. В данный период скрывания он посещал свой дом и жену только по ночам украдкой. Как и у адыгов, молодая жена-кабардинка, проживая у родственников мужа, должна была скрываться от посторонних, и когда кто-либо к ней подходил или обращался, закрывала лицо покрывалом. Это сообщение подтверждает строгость данного обычая [4, с. 28].

У осетин данный обычай более демократичен. Разница заключалась в более сокращенном сроке скрывания – не год, а приблизительно три месяца. Все остальные характерные черты этого обычая наблюдались и у других северокавказских народов.

Во второй половине XIX века мы наблюдаем некоторые изменения в структуре скрывания. Период скрывания невесты у родственников мужа до «большой свадьбы» перестал бытовать, но весь послесвадебный период в доме родителей жениха она продолжала скрываться в своей комнате. В отношении жениха данный обычай не изменился, он скрывался вне родительского дома, не мог появляться перед родителями, посещая жену украдкой по ночам. Спустя год после свадьбы родственник или друг, приютивший

жениха, резал барана для угощения и отводил молодого мужа домой, чем и заканчивалось его скрывание [5, с. 356].

Подобное скрывание было и у чеченцев. У них, как и у других народов Северного Кавказа, девушка после свадьбы только спустя год могла встретиться со своей родней [6, с. 9]. Свадебное скрывание соблюдалось настолько строго, что считалось постыдным даже выйти во двор.

Вышеизложенное свадебное скрывание предопределяло следующий этап этого обычая – избегание между супругами. По сути годичный период скрывания жениха от родителей и от жены, а также невесты от своих родителей является началом избегания между супругами после окончательного оформления брака.

У адыгов данный этап также соблюдается строже по сравнению с другими народами Северного Кавказа. Вслед за годичным периодом свадебного скрывания от родителей муж столько же времени посещает свою молодую жену все еще только тайно, через окно комнаты, и в течение всей своей жизни не показывается вместе с ней при посторонних лицах.

Многие исследователи отмечали, что супруги могли находиться вместе лишь в ночное время. Даже заговорить с мужчиной о его жене или спросить о ее здоровье считалось верхом неприличия. Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других мог себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин – никогда [7, с. 28].

Согласно этому обычаю муж и жена должны были вести себя отчужденно, как абсолютно незнакомые люди. Любые знаки внимания и заботы по отношению друг к другу, даже упоминание имени супруга, строго осуждались.

У адыгов не осуждалось, когда женатый мужчина свободно посещал дома девушек-невест, оказывал им знаки внимания и даже в шутку делал предложения. При этом ему нельзя было напоминать, что он женат, а про проявление ревности со стороны его жены не было и речи [8, с. 125]. Этим фактом мужчина демонстрировал показное отчуждение.

Налицо бессмысленность и в целом абсурдность данного обычая.

У адыгов считалось верхом неприличия появляться супругам вместе перед старшими членами семьи и вообще перед старшими родственниками мужа. Муравьев И. пишет, что «муж в присутствии старших, отца, братьев не скажет, что он женат...» [9, с. 58].

Данные о карачаевцах, балкарцах и осетинах свидетельствуют о более мягком соблюдении данного обычая. Их мужчины наедине с женами охотно проявляли внимание и заботу, но на людях все же держались отстраненно. Супруги значительно раньше, чем у других народностей, появлялись вместе перед старшими родственниками и в общественных местах. Тем не менее произносить имя мужа запрещалось обычаем, а также строго осуждалось проявление супружеских чувств при посторонних [10, с. 51].

У чеченцев соблюдение данного обычая имело схожие черты. К примеру, женщина не имела права в первое время после свадьбы ни видаться, ни говорить со своим мужем не только в присутствии посторонних, но даже и при своих родственниках. Муж также втайне посещал свою жену. Ингуши не могли идти по улице со своей женой. И ингуши, и чеченцы не могли сидеть за одним столом рядом со своей женой, разговаривать друг с другом в присутствии родственников, называть друг друга по имени, упоминать о жене в разговоре. Муж должен был быть безучастным по отношению к жене, от жены также требовалось это, но только в ослабленной форме. В период беременности

жены муж должен был ее избегать. Кроме того, после ее родов некоторое время он жил у кого-нибудь из своих родственников или соседей, избегая старших родственников. Так же, как и у других народов, у чеченцев и ингушей запрещалось обращаться к супруге или супругу по имени или «муж» и «жена» – обращались друг к другу словами: «слышишь ты?», «мать дома», «мать детей», «женщина» и т. д. [11, с. 173].

Можно отметить частое упоминание людей старшего поколения, при которых нельзя было появляться, либо взаимодействовать или обращаться при них друг к другу молодоженам. Это говорит о том, что соблюдение данного обычая является проявлением глубочайшего уважения к старшим родственникам. Теоретически молодые люди могли невзначай сказать или сделать что-то, что могло не понравиться старшему поколению. Поэтому, чтобы наверняка этого не допустить, соблюдался данный обычай. Однако избегание и даже прямое отчуждение и игнорирование между супругами не вполне понятно и никак не может быть оправдано.

Соблюдение обычая избегания между родителями и детьми тоже объясняется выражением уважения детей к своим отцам. Например, у адыгов, особенно среди высшего сословия, отец на протяжении многих лет не должен был находиться рядом со своими детьми. Вопиющим нарушением приличий считалось, если мужчина, особенно в присутствии своих родственников, брал на руки своего ребенка, играл с ним, говорил о нем, оплакивал его в случае смерти или каким-нибудь другим образом выражал свои отцовские чувства.

Приличия требовали, чтобы кто-нибудь один – либо сын, либо отец – выходил из комнаты, если вдруг они оказались в одном помещении. С годами, однако, отношения между отцом и сыном были менее отчужденными, но продолжали отличаться крайней внешней сдержанностью.

У балкарцев также данный обычай отличался особой строгостью. Отцы не только не ухаживали за своими детьми, но даже попросту не присматривали за ними. Даже если ребенку грозила опасность, максимум что мог сделать отец – это позвать жену или другую женщину. Нельзя было поздравлять отца с новорожденным [4, с. 24]. У карачаевцев также считалось предосудительным, если отец ласкал своих детей [10, с. 51].

У осетин данный обычай соблюдался не так строго. В самом близком кругу, или с глазу на глаз с женой отцу было позволительно дать волю своим чувствам и понять своих детей. Но если вдруг отца заставляли с его ребенком, он тут же бросал его куда попало... Отец не называл сына по имени, а только «наш сын», «наш мальчик» [12, с. 339].

Исследователь К. Хетагуров описал случай, произошедший с его отцом в детстве и наглядно демонстрирующий данный обычай. Мальчик, играя на крыше, оказался на краю и уже почти падал. Находившийся рядом отец мальчика наступил на край его рубахи и удерживал до тех пор, пока соседи не прибежали на крики его сына [12, с. 340].

У чеченцев и ингушей соблюдение этого обычая было аналогичным. Отцу нельзя было в присутствии старших родственников или посторонних лиц брать на руки своего ребенка или как-то взаимодействовать с ним. Кроме того, нельзя было даже находиться в одном помещении со своими маленькими детьми, называть их по имени, упоминать в разговоре, а также показываться с ними в людных местах. Демонстрировалось полное игнорирование детей со стороны отца. Более того, было запрещено оплакивать своих детей в случае их смерти и участвовать в похоронах.

Что касается отношений детей с матерью, то соблюдение обычая избегания по понятным причинам было практически невозможно.

Однако в больших семьях обычай иногда соблюдался матерью ребенка. Мать могла вынести колыбель в общее помещение и делать вид, что не имеет отношения к ребенку, и в присутствии старших не подходить к ребенку. Но позже старшие женщины просили невестку не стесняться и брать ребенка на руки и кормить при них. Так нормы избегания потихоньку ослабевали, но воспитанием детей все же занималась не мать, а другие родственники дома.

У некоторых народов Северного Кавказа в общественных местах эта традиция соблюдалась строже. Если женщина с ребенком на руках встречала на улице старика, она должна была передать его другому или положить на землю. Был ужасающий случай, когда карачаевка не посмела прийти на помощь своему тонувшему ребенку в присутствии свекра [13, с. 46].

Исследование данного обычая выявило и противоречия. С одной стороны, избегание в отношениях взрослых детей и отцов можно объяснить проявлением уважения к старшему поколению. С другой стороны, избегание отцов в отношении младенцев, которые в принципе не могут проявить неуважение к старшему, даже в случае угрозы жизни детей. О каком соблюдении данного обычая может идти речь? Поэтому нас удивляет факт долгой живучести данного обычая, его сохранности именно в столь архаичной форме.

Процесс трансформации обычая избегания начался только в конце XIX в. Это было связано не с желанием ликвидировать его вышеупомянутые пережиточные черты как таковые, а с разложением натурального хозяйства и распадом большесемейной организации. В конце века семей численностью 10 человек было очень мало. Например, в селах Чечено-Ингушетии – 3,2 %, в Адыгее – 8,5 % [8, с. 131].

Когда молодые стали жить отдельно без родственников, появилась определенная свобода в отношениях между супругами, а также в их отношениях со своими детьми. Ослаблялась строгость, и сокращались сроки действия связанных с избеганием запретов.

У кабардинцев стали появляться трехкамерные дома только с одним входом, а не с двумя или тремя. Это, конечно, приводило к смягчению избегания старших родственников внутри неразделенной семьи.

У адыгов молодые супруги по прошествии всего нескольких месяцев стали появляться вместе в присутствии матери, сестер и даже братьев мужа. У карачаевцев вопреки старым обычаям отец, мать и сыновья обедали за одним столом, и только дочери и невестки – отдельно.

Более существенный перелом в соблюдении данного обычая случился в советское время, что было связано с вовлечением женщины в трудовую общественно полезную деятельность, а также с мероприятиями правительства, направленными на ликвидацию пережитков прошлого. Этот факт не мог не отразиться на социальном положении женщины в обществе, в семье и ее бытовом укладе [14, с. 200].

Изменения в семейном быте проходили неодинаковыми темпами. Имущественные отношения менялись быстрее, чем личные. Отношения, которые регулировались правом, также менялись быстрее, чем отношения, которые регулировались моралью.

Тот факт, что обычаи избегания не были социально опасны и касались интимной сферы семейно-родственных отношений, затруднял борьбу с ними. Требовались особо гибкие формы работы, что не позволяло рассчитывать на быстрые результаты.

В начале XX века в Адыгее шла борьба за вовлечение женщин в колхозы, многие из них отказывались посещать собрания и в особенности выступать на них из-за присутствия избегаемых лиц. Председателям колхозов приходилось прибегать к следую-

шему способу: перед началом выступления женщины он просил старших родственников ее мужа временно покинуть собрание, чтобы не стеснять своим присутствием невестку.

Уже к началу 30-х годов XX века процесс ослабления всех видов избегания ускорился и расширился. Свадьбы, на которых, хоть и в смягченной форме, соблюдался обычай скрывания, постепенно вытеснили свадьбы, где присутствовали жених и невеста. Как правило, это были свадьбы отдельных комсомольцев и коммунистов. Промежуточное брачное поселение постепенно становилось неактуальным, и невесту все чаще везли прямо в дом жениха. Независимо от того, где скрывалась невеста – в промежуточном доме или в доме жениха, сроки ее скрывания значительно сократились.

У всех народов региона во многих, в основном небольших семьях, жена, если в доме не было посторонних, ела за одним столом с мужем, и дети уже более свободно и чаще общались с отцом. В отдельных более прогрессивных семьях начинался отказ от избегания между невесткой и старшими свойственниками.

Таким образом, в первой половине XX века обычай избегания закономерно ослаблялся ввиду общего переустройства семейного и общественного быта народов Северного Кавказа, но все же процесс его вытеснения шел значительно медленнее, чем других обычаев. Например, покупной брак, умыкание, брак с несовершеннолетними перестали быть распространенными явлениями народного быта, в то время как некоторые элементы обычая избегания продолжали соблюдаться массой населения даже во второй половине XX века [15, с. 20, 25].

Значение обычая стало меняться, превратившись главным образом в пережиток, но полностью свое функциональное значение он не утратил.

В некоторых селах Дагестана даже к концу XX века сохранялось досвадебное и послесвадебное избегание. После помолвки, как только молодые люди стали называться женихом и невестой, до свадьбы они должны были всячески избегать друг друга. При встрече на улице девушка должна была сразу уйти, свернуть, либо перейти улицу. Ни в коем случае им нельзя было разговаривать. Если невеста заговаривала с женихом, это означало, что она не хочет за него замуж. После свадьбы молодая невеста должна была избегать родственников-мужчин жениха – отца, братьев и др., не разговаривать с ними, а при входе их в комнату, либо выйти, либо прикрыть лицо платком. Такое положение продолжалось до рождения ребенка, после чего обычай избегания для нее уже был менее строг [16, с. 21].

Заключительная часть

Можно с уверенностью сказать, что данный обычай стал восприниматься как проявление внимания, вежливости и уважения по отношению к старшим – как правило этикета. До сих пор сохраняются такие виды избегания, где объектом является кто-нибудь из стариков. Но постепенно обычаи избегания отмирают и как правило этикета. Еще в советской действительности они не соответствовали реалиям времени, так как создавали практические сложности в семейной и общественной жизни [17, с. 37].

Процесс отхода от традиций избегания у разных народов Северо-Кавказского региона шел неравномерно. У адыгских народов он был в целом менее интенсивен, что и понятно, так как раньше избегание было выражено у них сильнее, а этнокультурная традиция обладает своей инерцией.

Сегодня, в рамках Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных россий-

ских духовно-нравственных ценностей» [18], при исследовании отношения адыгской молодежи к ценностям традиционной культуры в повседневной жизни, респонденты подтвердили существенный потенциал ценностей адыгской этнокультуры [19]. Кроме того, по данным крупного исследования и социологического опроса молодежи, основой поведения студентов Северного Кавказа до сих пор являются общие нормы, принятые в их окружении, традиции и обычаи народа, к которому они принадлежат [20].

В городской среде отход от традиций избегания происходил значительно активнее, чем в сельской местности, так как сказывался более высокий культурный уровень горожан и большая интенсивность межнациональных контактов. Что касается различных социально-профессиональных групп, то процесс продвинулся дальше в тех из них, где преобладал высокий образовательный уровень. Интенсивное развитие народного образования соответственно повысило и культурный уровень населения, ускорив его отход от обычая избегания.

Литература

1. Зенкова, Е. А. Актуализация традиций в современном обществе как фактор сохранения нематериального культурного наследия / Е. А. Зенкова, Н. Б. Акоева // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 4 (79). – С. 126–134.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред., пер., введ. и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова; Кабардино-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБ АССР. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.
3. Васильков, В. В. Очерк быта темиргоевцев. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК) / В. В. Васильков. – Тифлис, 1901. Вып. 29.
4. Тульчинский, Н. П. Пять горских обществ Кабарды: I. Этнографическо-экономический очерк / Н. П. Тульчинский. – Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1903. – 154 с.
5. Магомедов, А. Х. Культура и быт осетинского народа: историко-этнографическое исследование / А. Х. Магомедов. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 568 с.
6. Ипполитов, А. П. Этнографический очерк Аргунского округа / А. П. Ипполитов. – ССКГ, Тифлис, 1868. Вып. 1.
7. Сталь, К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа / К. Ф. Сталь. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2011. – 92 с.
8. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе: сб. статей / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; В. К. Гарданов (отв. ред.). – М.: Наука, 1978. – 280 с.
9. Муравьев, И. И. Шапсугия: Медико-санитарное обследование / сост. санитар. врач И. И. Муравьев по материалам врачей отряда В. Ф. Пенкина и О. И. Андреевой. – Ростов н/Д: Северо-Кавказское краевое управление здравоохранения, 1929. – 69 с.
10. Сысоев, В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении / В. М. Сысоев. – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1913. – [4]. – 156 с.
11. Леонтович, Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2 / Ф. И. Леонтович. – СПб.: Лань, 2013. – 398 с.
12. Хетагуров К. Собрание сочинений: в 5 т. / К. Хетагуров. – М., 1960. Т. 4.
13. Авксентьев А. Преступная Коран. / А. Авксентьев. – Ставрополь, 1960.
14. Смирнова, Я. С. Семья и семейный быт / Я. С. Смирнова // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М., 1968.

15. Шерипов, З. Д. Очерк о Чечне / З. Д. Шерипов. – Грозный: Изд-во Чечоблисполкома «Серло», 1929. – 56 с.
16. Омаров, И. И. Брак и свадебные обряды даргинцев-цудухарцев селения Куппа Левашинского района Республики Дагестан / И. И. Омаров, Р. И. Сефербеков; отв. ред. М. О. Османов. – Махачкала, 1999.
17. Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа / ред. А. М. Ерохин; Е. А. Авдеев, А. В. Аверьянов, С. М. Воробьев [и др.]. – Ставрополь: Бюро новостей, 2022. – 370 с.
18. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.09.2024).
19. Натхо, А. Ю. Отношение адыгской молодежи к ценностям традиционной культуры в повседневной жизни / А. Ю. Натхо // Культурная жизнь Юга России. 2023. № 3 (90). – С. 63–74.
20. Ерохин А. М. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи / А. М. Ерохин, С. М. Воробьев, Е. А. Авдеев // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. – С. 112–115.

*Поступила в редакцию 9 сентября 2024 г.
Принята 12 октября 2024 г.*

UDC 94 (470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2025-40-1-25–33

The Impact of Family and Social Life Relics Among the Peoples of the North Caucasus: Historical Background

T. Ch. Dzhabaeva

*Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
tahmina.dj@mail.ru*

Abstract. Historically, the peoples of the North Caucasus have always honored their traditions and customs. The practice of observing them was strictly passed down from generation to generation. The origins of customs go back into centuries, and their essence and character were influenced by the social structure and the level of socio-economic development.

The article is devoted to the study of the most archaic customs of the peoples of the North Caucasus, such as the complex custom of avoidance. An attempt is made to explain the reasons for its tenacity in the public consciousness and such strict observance even after the transformation of accompanying socio-economic factors.

The author sees the reasons for observing "inconvenient" customs in the way of expressing politeness and deep respect for the older generation of relatives and not only. However, when comparing the positive and negative experience of observing it, the author emphasizes the latter (especially observing the custom of avoidance between parents and children).

This custom, undoubtedly, had the right to exist in a more flexible form, depending on the situation, environment, conditions, etc., but we did not find this during the study. Commitment to the traditions of the North Caucasian people is once again confirmed by the persistence of the custom of avoidance until the end of the 20th century.

Keywords: customs, older generation, bride, groom, mother, father, children, wedding, home, living, avoidance.

Received 9 September, 2024

Accepted 12 October, 2024